

Надежда Моргунова

Ни слова

«Автор»

2026

Моргунова Н. И.

Ни слова / Н. И. Моргунова — «Автор», 2026

Синь теряет галерею — она сгорает дотла. Водитель по дороге ведёт себя странно, она чувствует опасность, но молчит. В резиденции старый Ли показывает ей фотографии людей из её прошлого — всех, кого убил её муж. Синь узнаёт их и говорит, что считала их умершими. Старый Ли в шоке от цинизма, с которым она принимает правду. Ли Синь возвращается из Гималаев — грязный, сломленный, в лохмотьях. Он меняется, его глаза полны вселенской тоски. Старый Ли хочет запереть его, но Синь просит оставить мужа рядом. Он лечит её руками, снимая блоки, которые она носила в теле годами. Между ними появляется странная, почти мистическая связь — без страха, без контроля. Ли Синь пытается вернуть всё через цветы, деньги, молитвы, но ничего не работает. Он предлагает Синь уйти, найти другого мужа. Она в ответ предлагает ему кровный пакт, желая сломать его внутренний запрет. Он отказывается, но просит её лечь и обещает любить её столько, сколько нужно.

© Моргунова Н. И., 2026

© Автор, 2026

Надежда Моргунова

Ни слова

Глава 1. Записка.

Синь сидела на заднем сиденье бронированного внедорожника и смотрела в окно. Шанхай проплывал мимо — стеклянные башни, бесконечные потоки машин, люди, которые спешили по своим делам. Она ехала в галерею. Свою галерею. Место, которое стало для неё спасением, когда мир вокруг рушился.

Она заметила это не сразу. Сначала ей показалось, что водитель просто смотрит в зеркало заднего вида, проверяя дорогу. Но потом она поняла — его взгляд был направлен на неё. Он смотрел на неё исподтишка, осторожно, но настойчиво. Каждые несколько секунд его глаза поднимались к зеркалу, задерживались на её лице, на её шее, на её руках, а затем снова возвращались к дороге.

Синь стало некомфортно. Она попыталась отвести взгляд, уставилась в окно, но чувствовала его взгляд на себе. Она молчала. Она не знала, что делать. Водитель был чужим человеком, и она не могла просто сказать ему остановиться. Не могла приказывать ему смотреть на дорогу. Она просто сидела и ждала, когда поездка закончится.

Но потом машина начала вилять. Сначала едва заметно, потом сильнее. Синь поняла, что он делает это намеренно. Он был возбуждён. Его дыхание стало тяжелее, он сжимал руль сильнее, чем нужно.

Синь смотрела на его руки. Пальцы были белыми от напряжения. Он был где-то далеко, не здесь, не на дороге. Она понимала, что он теряет контроль. Что он может сделать что-то опасное. Но она не могла ничего сказать. Она просто сидела сзади тихо, сжимая в руках сумочку, и молилась, чтобы поездка закончилась как можно скорее.

Машина остановилась у галереи. Синь вышла, чувствуя, как дрожат её ноги. Она сделала несколько шагов вперёд и замерла.

Галерея горела.

Она смотрела на здание, и внутри неё всё сжалось. Пламя вырывалось из окон верхних этажей, чёрный дым поднимался в небо, и она слышала, как трещит огонь. Её галерея. Её убежище. Её мечта.

Она смотрела на верхние окна и понимала — внутри пусто. Она не знала, что чувствовать — страх или облегчение. Но внутри неё было пусто. Как и в галерее.

Она развернулась и сказала водителю:

— Разворачивайтесь. Мы возвращаемся в резиденцию.

Водитель удивлённо посмотрел на неё. Он, видимо, ожидал истерики, слёз, криков. Но Синь была спокойна. Она села в машину и всю дорогу молчала. Её лицо было непроницаемым. Она смотрела в окно, но не видела города. Она думала о том, что происходит.

В резиденции все ждали её реакции. Старейшина, его жена, слуги, охрана. Они знали о пожаре. Они ждали, что она будет кричать, плакать, требовать справедливости. Но Синь прошла в свой кабинет и села за стол. Её лицо не выражало никаких эмоций.

— Принесите чай, — сказала она спокойно.

Триада была в шоке. Они не знали, как трактовать её поведение. Была ли она сломлена? Или она просто не показывала эмоций? Почему она не кричит? Почему не плачет? Это было неожиданно.

Синь сидела с непробиваемым лицом, как императрица, которая не позволяет миру видеть свои чувства. Она делала глоток за глотком, держась в центре тишины, которой все боялись нарушить.

Через час ей принесли записку. Она была запечатана красной печатью. Синь развернула её и прочитала. Её пальцы дрогнули, но лицо осталось неподвижным.

«Прости. Я вряд ли вернусь. Не жди меня.»

Она поднесла листок поближе, снова пробежала глазами по словам. Аккуратно сложила его, подняла глаза на слугу и кивнула, словно прочитала список покупок. А в голове билась одна мысль: он тоже уходит. Как и галерея.

Она убрала записку в карман и допила чай. Она не заплакала. Не закричала. Она просто сидела и смотрела в стену. Там, за ней, жизнь продолжалась. Но для неё она только что остановилась. Второй раз за этот год. А она всё ещё не позволяла себе плакать.

Она встала, поправила воротник, подошла к окну и задержала взгляд на том месте, где вдалеке когда-то стояла её галерея, теперь уже ничем не выдавшая, что там когда-то было что-то живое. Она стояла в тишине, чувствуя, как в груди застывает что-то новое, что она пока не решалась назвать.

Может быть, это свобода.

А может быть, пустота.

Глава 2. Фото.

Старый Ли Вэй сидел за своим массивным столом из красного дерева и перебирал фотографии. Они лежали перед ним — стопка, перевязанная бечёвкой. Он снял её, разложил карточки веером и долго вглядывался в лица, ожидая, когда в кабинет войдёт Синь.

Она вошла через несколько минут. Бесшумно. С идеально прямой спиной. На её пальце всё ещё сияло нефритовое кольцо свекрови — единственное украшение, которое она носила последнее время. Старый Ли поднял глаза и жестом указал на стул напротив.

— Садись, Синь. Мне нужно, чтобы ты кое-что посмотрела.

Она села. Старый Ли подвинул к ней фотографии.

— Ты узнаёшь этих людей?

Она посмотрела на лица, которые были разложены перед ней. Её глаза медленно скользили по каждому снимку. В комнате повисла давящая тишина. Только где-то далеко тикали старые напольные часы.

Она подняла взгляд на свёкра. Голос её был ровным и почти безразличным, словно она говорила о вещах, которые давно перестали иметь значение.

— Некоторых я узнаю. Это люди из моей прошлой жизни. Из России. Друзья, соседи, те, с кем я когда-то общалась. Некоторых я считала умершими.

Старый Ли чуть приподнял бровь. В его взгляде мелькнуло что-то, похожее на удивление.

— Почему ты так решила?

— В моём мире, — сказала Синь, — если человек перестаёт отвечать на письма, если он исчезает — это значит, что он умер. И вы просто живёте дальше. Сразу. Мгновенно. Забываете о нём, как будто его и не было.

Она помедлила, глядя на фотографии.

— Я просто заканчивала с ними, когда они пропадали. У меня не было времени горевать. Я была занята — выживанием.

Старый Ли смотрел на неё, и в его взгляде отразилось что-то, чего она не могла прочитать. Это был не гнев. Не удивление. Это было почти... уважение. Смешанное с ужасом.

— Твой муж убил их всех, — сказал он наконец. — Каждого из этих людей.

Синь медленно перевела взгляд на фотографии. Она не вздрогнула, не побледнела, не заплакала. Она просто смотрела на лица, которые когда-то были частью её жизни. Её глаза задержались на одном снимке, где улыбался молодой мужчина с открытым, добрым лицом. Друг из юности. Тот, кто помогал ей, когда ей некуда было идти. Она, казалось, застыла на мгновение. Затем тихо, почти про себя, произнесла:

— Зачем?

— Я не знаю, — признался старый Ли. — Они не угрожали Дому Ли. Они не вмешивались в наши дела. Они жили в России, далеко отсюда. Твой муж не имел причин их убивать.

Он помолчал и добавил с тихой горечью:

— Я не понимаю мотива, Синь. Они не были врагами. Они не приближались к нашим территориям. Это не было делом чести или защиты. Это была просто жестокость. Ради самой жестокости.

Синь сжала пальцы в кулак, но лицо осталось непроницаемым. Затем она медленно подняла глаза на свёкра.

— Вы хотите, чтобы я сказала, что чувствую? — спросила она почти спокойно. — Ненависть. Боль. Или, может быть, просто пустоту?

Она перевела взгляд на стену за его спиной и добавила тихо, будто для себя:

— Потому что я уже давно ничего не чувствую к тому, кто был моим мужем. Даже злость прошла. Осталась только тишина.

Старый Ли долго молчал, глядя на неё. Он видел женщину, которая держалась на одной только воле. Женщину, пережившую слишком много, чтобы позволить себе сломаться сейчас. Женщину, которая казалась ему теперь более живой, чем большинство людей в его окружении. И, возможно, сильнее его самого.

— Иди, — сказал он. — Отдохни. Завтра нам нужно будет поговорить о твоём будущем. О том, чего ты хочешь теперь, когда ты знаешь эту правду. Свободна ли ты на самом деле от прошлого? Или оно всё ещё держит тебя?

Синь молча встала, поклонилась и вышла из кабинета.

Она шла по коридору, чувствуя, как внутри неё разливается новая тишина. Не страх. Не боль. А что-то более глубокое — как будто она наконец-то поняла, что её прошлое закрыто. Как галерея, которая сгорела дотла. И теперь можно начать всё сначала. С чистого листа.

Синь шла дальше. Она не знала, ждёт ли её что-то впереди, кроме тишины, но знала, что дышать ей теперь легче. И это было началом. Тихой, но уверенной. Никому не обязанной жизнью.

Глава 3. Замрите.

Старый Ли Вэй вошёл в холл резиденции и одним жестом приказал слугам замереть. За его спиной, сгорбившись, переступал порог человек, которого почти невозможно было узнать. Ли Синь был в лохмотьях — грубая, изношенная монашеская одежда висела на нём мешком. Волосы спутались, отросли и закрывали половину лица. Грязь въелась в кожу, под глазами залегли тени, а пальцы, когда-то сжимавшие миллиардные контракты, теперь судорожно теребили край рубахи. Он был похож на бездомного, выброшенного на улицу после долгих лет скитаний.

— Заприте его в подвале, — коротко приказал старейшина слугам. — И позовите госпожу Синь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.